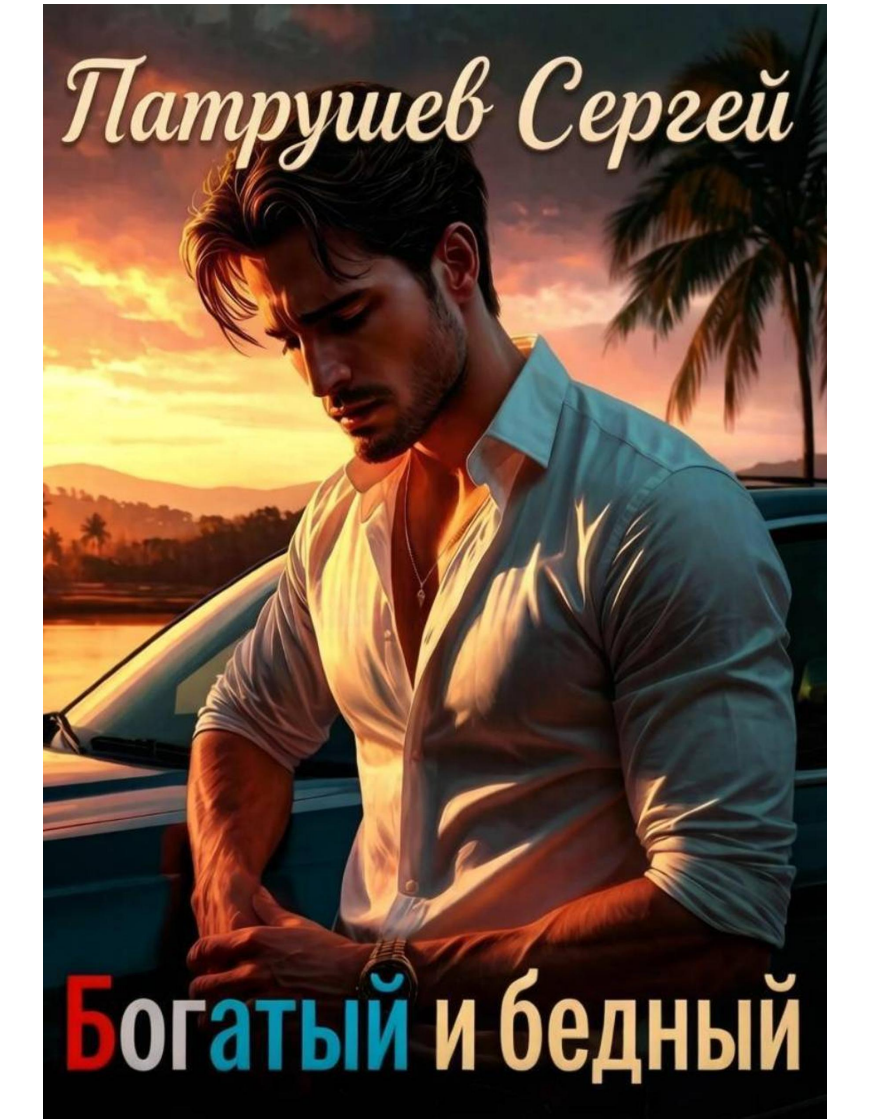

A man with dark hair and a beard, wearing a white button-down shirt, is leaning against the hood of a dark-colored car. He is looking down with a serious expression. The background features a tropical sunset with palm trees and a body of water. The lighting is warm and golden, highlighting the man's features and the car's contours.

Патрушев Сергей

Богатый и бедный

Сергей Патрушев

Богатый и бедный

<https://litres.ru/74558287>

SelfPub; 2026

Аннотация

Артём ди Фальконе — наследник миллиардов, запертый в золотой клетке. У него есть всё, кроме смысла жизни. Отчаявшись, он спускается на самое дно — в ночлежку, где знакомится с Андреем, простым мужиком, выживающим в нищете, но полным достоинства.

Потеряв всё состояние, Артём обретает настоящую дружбу, любовь и тяжесть мозолей на руках. Это история о том, как разориться, чтобы стать богатым, и о том, что деньги могут купить комфорт, но только любовь и честный труд способны согреть замёрзшую душу.

Содержание

Глава 1. Кожаный диван и табуретка	4
Глава 2. Запах денег и запах хлеба	19
Глава 3. Стол на двоих	35
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Богатый и бедный

Глава 1. Кожаный диван и табуретка

Снег в этом году выпал поздно, уже в середине января, и лег на город не пушистым одеялом, а серой, спрессованной коркой. Артём смотрел на него сверху вниз. Его пентхаус на сорок втором этаже стеклянной башни, венчающей деловой центр, продавливал низкие облака своей крышей. Город отсюда казался не живым организмом, а схемой, макетом, собранным из тусклого пластика. Желтые и красные нити дорог пульсировали в такт невидимому сердцу, но пульса этого Артём не чувствовал. Он чувствовал только глухую, вязкую тишину, которая заполняла пространство между панорамными окнами и его кожаным диваном.

Диван стоил как трехкомнатная квартира Андрея. Артём знал это, потому что сам оплачивал счета. Черная, идеально выделанная кожа «наппа» холодила даже через тонкий хлопок домашней рубашки. Она была стерильной, анатомической, лишенной памяти. На ней нельзя было оставить вмятину, продавить ее тяжестью мыслей или просто ссутулиться так, чтобы спинка приняла форму твоего отчаяния. Диван всегда возвращал тебя в исходное положение — в позу

утомленного, но безупречного хищника.

Артём провел ладонью по подлокотнику. Ни единой царапины. Ни единого живого пятнышка. В этом доме вообще не было ничего живого, кроме него самого, и тот факт, что он все еще дышал, казался ему досадной технической ошибкой системы.

На журнальном столике из цельного куска черного мрамора, добытого, как уверял дизайнер, в закрытых для смертных карьерах, стояла бутылка односолодового виски. Возраст напитка превышал возраст самого Артёма. Лед в тяжелом графеном стакане давно растаял, превратив благородный янтарь в разбавленную мочу. Артём не притрагивался к нему уже час. Он просто смотрел, как преломляется в стекле свет неоновых вывесок соседнего бизнес-центра.

Скука. Это слово было слишком простым, слишком бытовым для того вакуума, который царил у него внутри. Скука — это когда нечем заняться в очереди. У Артёма же не было самой очереди. Ему не нужно было ждать автобуса, ждать повышения, ждать зарплаты, ждать конца рабочего дня. Время для него не текло, оно стояло густым, неподвижным киселем.

Он взял телефон. Не смартфон из лимитированной серии, который лежал на зарядке, а старый, исцарапанный кнопочный аппарат, купленный вчера в переходе за триста рублей. Экран был тусклым, кнопки нажимались с тугим, механическим щелчком.

Набрать номер было делом трех секунд. — Да, — голос в трубке прозвучал так, словно человек только что закончил колоть дрова или бежать марафон. В нем было дыхание. — Это я, — сказал Артём. — Я догадался, — в голосе Андрея не было ни удивления, ни раздражения. Только ровное, теплое спокойствие. — Счетчик скуки опять зашкаливает? — Он сломался, — Артём подошел к стеклу, прижался лбом к ледяной поверхности. — Спустись ко мне. — Тёма, сейчас половина двенадцатого. У меня завтра в шесть подъем. Бригадир обещал вычесть из аванса, если опоздаю на разгрузку. — Я вышлю машину. С мигалкой и ковровой дорожкой. Андрей, мне физически больно находиться в этой тишине.

На том конце провода повисла пауза. Артём слышал, как на фоне капает вода, как Андрей, видимо, трет уставшее лицо. — Ладно, — наконец выдохнул он. — Высылай. Только пусть твой водитель не смотрит на меня, как на таракана в смокинге. И купи по дороге хлеба. И соленых огурцов. У тебя же в холодильнике только эти ваши молекулярные сферы, которые взрываются вкусом манго. — Я закажу из ресторана. — Из ресторана не надо. Из «Пятерочки». И пельмени. Те, дешевые, в красно-синей пачке. — Андрей, у меня на кухне стоит аппарат молекулярной кухни за полмиллиона евро. — Значит, аппарат сегодня будет курить в сторонке. Жду.

Гудки.

Артём нажал кнопку на селекторе внутренней связи. — Григорий, спустись к магазину внизу. Список скину на по-

чту. Хлеб. Пельмени. Огурцы бочковые. Водки возьми, только нормальной, не из моей коллекции. — Артём Викторович, может, осетрины? Икорки? — в голосе водителя, прослужившего в семье двадцать лет, звучала профессиональная забота. — Гриша, если ты сейчас скажешь слово «фуа-гра», я уволю тебя через аннулирование гражданства. Просто сделай, что сказано. И подгони «Роллс» к центральному входу. Мой друг не любит подземные паркинги. У него от них клаустрофобия.

Дорога до окраины заняла семнадцать минут. «Роллс-Ройс» плыл по разбитому асфальту спального района, как ледокол по битому стеклу. Контраст был оглушающим. Там, на сорок втором этаже, мир был стерилен и геометричен. Здесь он был хаотичен, шумен и пах человеческим жильем: жареной картошкой, мокрой псиной из подъезда, выхлопными газами старых автобусов.

Артём не был в этой части города лет пять. С тех пор, как продал долю в строительном бизнесе, который когда-то начинал его отец, и ушел в «чистое инвестирование» — занятие, суть которого сводилась к перекладыванию цифр из одной виртуальной ячейки в другую.

Девятиэтажка Андрея выглядела уставшей. Серая, в грязных подтеках, с ржавыми балконами, на которых сушилось белье. Лифт не работал. Артём пошел пешком. На четвертом этаже он остановился, чтобы перевести дыхание. Не от

одышки — от давящей, чужой реальности. Здесь стены были тонкими. Он слышал, как за одной дверью плачет ребенок, за другой ругаются супруги, за третьей бубнит телевизор. Весь этот сгусток чужой, настоящей жизни давил на его диафрагму.

Дверь квартиры сорок восемь была обита потертым, когда-то коричневым дерматином. Из-под обивки в районе замка торчал пожелтевший поролон. Артём поднял руку, чтобы нажать на звонок, но передумал. Он просто постучал костяшками пальцев.

Андрей открыл мгновенно, словно стоял за дверью. На нем были старые спортивные штаны с вытянутыми коленями и выцветшая футболка с логотипом какой-то рок-группы. От него пахло морозом, металлом и немного машинным маслом. — Проходи, — он посторонился, пропуская Артёма в узкий коридор. — Раздевайся. Сумку можешь там бросить.

Артём шагнул внутрь и замер. Это был шок. Не культурный, не социальный — физический. Квартира Андрея была маленькой, метров сорок общей площади, но она дышала. В ней было тесно от вещей, но эта теснота не давила, а обнимала. Справа — крошечная кухня, отделенная от комнаты лишь выступом стены. Слева — сама комната.

Пол. Артём опустил глаза. Паркет. Старый, советский, скрипучий. Но он был натерт до тусклого, медового блеска. Каждая дощечка хранила на себе следы времени. И запах. Здесь пахло деревом, старыми книгами, заваренным деше-

вым чаем и чем-то неуловимо пряным, как сухие травы. В пентхаусе Артёма пахло озоном от очистителей воздуха, дорогим парфюмом и деньгами. Там не было запаха времени. Там была стерильность морга.

— Разувайся, — скомандовал Андрей, уже шурша чем-то на кухне. — Пол чистый.

Артём нагнулся, развязывая шнурки на дорогих ботинках. Ему вдруг стало стыдно за свои носки — новые, из египетского хлопка, за которые он отдал сумму, равную пенсии старушки из соседнего с Андреем подъезда. Он аккуратно поставил ботинки на коврик, стараясь не нарушить идеальный порядок чужой прихожей. На стене висели крючки. На одном — потрепанная кожаная куртка. На другом — женское цветастое платье. Детских вещей не было.

— Иди сюда, — позвал Андрей из комнаты. — Только голову не разбей о люстру.

Артём выпрямился и шагнул в комнату. Посреди нее стоял деревянный стол. Круглый, на толстых резных ножках. Столешница была испещрена кругами от горячих кружек, мелкими ожогами от сигарет и глубокими царапинами. В центре стола темнело выжженное пятно — кто-то когда-то поставил на него что-то раскаленное. Вокруг стола стояли два стула и табуретка.

Стулья были под стать столу — тяжелые, дубовые, с вытертыми до светлого дерева спинками. А табуретка была простой, грубо сколоченной, явно самодельной.

— Садись, — Андрей кивнул на один из стульев. — Я как раз воду поставил.

Артём опустился на стул. Дерево под ним глухо вздохнуло, принимая вес. Оно было теплым. Не от батарей — оно само по себе излучало накопленное за десятилетия тепло чужих рук, локтей, разговоров. Артём положил ладони на столешницу. Дерево было шершавым, живым. Он провел пальцем по глубокому шраму у края. — Это я в девятом классе лобзиком промахнулся, — Андрей поставил на стол две разномастные кружки. Одна — толстая, фаянсовая, с отбитой у основания эмалью. Другая — стеклянная, с выцветшим рисунком ягод. — Хотел скворечник сделать. Получилась братская могила для комаров.

Он сел на табуретку. Она стояла ровно, не шатаясь, хотя выглядела так, будто должна была рассыпаться от одного взгляда. Андрей был крупным мужчиной, и на хрупкой конструкции он смотрелся как медведь на детском стульчике, но табуретка держала его вес с какой-то упрямой гордостью.

— А это, — Андрей похлопал ладонью по самодельному сиденью, — моя первая попытка работы с деревом. После того как батя меня из дома выгнал. Мне было семнадцать. Я ее в подъезде нашел, на помойке. Отшкурил, ножки выровнял. С тех пор она меня ни разу не подвела. Надежнее любого кресла.

Артём смотрел на эту табуретку, и ему хотелось плакать. Не от жалости к Андрею, а от острого, пронзительного по-

нимания собственной ничтожности. Его кожаный диван никогда не знал, что значит быть найденным на помойке и спасенным. Его диван был рожден в идеальном вакууме, чтобы сразу стать тронem. Эта табуретка прожила целую жизнь, прежде чем стать мебелью.

— Скворечник, — хрипло повторил Артём, не узнавая собственного голоса. — Выбросил, — Андрей разливал кипяток по кружкам, бросая туда по чайному пакетику самого дешевого сорта. — А стол этот от деда остался. Он столяром был. Говорил, что дерево — оно как человек. Если его полировать до потери пульса, оно сохнет. Ему дышать надо. Видишь, как оно светится? Это оно от радости. Его тут любят.

Андрей придвинул к Артёму тарелку. На ней лежал нарезанный крупными кусками черный хлеб, щедро посыпанный солью, и горсть квашеной капусты, от которой шел острый, пробирающий до слез дух. Рядом стояла банка огурцов.

— Водка греется, — сказал Андрей, кивнув на подоконник, где стояла запотевшая пол-литровая бутылка. — Пусть дойдет до комнатной. Пить ледяную — только рецепторы убивать.

Артём взял кусок хлеба. Ржаной, влажный, тяжелый. Он откусил. Вкус ударил по языку, как молот. Соль, кислота капусты, сладость хлеба. В его пентхаусе еда была искусством, концепцией, инсталляцией. Здесь она была просто едой. Жизнью.

— Зачем ты приехал? — Андрей откинулся на спинку

стула, сцепив руки на затылке. Табуретка под ним даже не скрипнула. — Только не говори, что за философским диспутом. Ты выглядишь так, будто тебя пропустили через шредер. — Меня и пропустили, — Артём положил хлеб на стол. — Только шредер был из чистого золота. Меня повысили, Андрей. — Поздравляю, — Андрей налил чай в стеклянную кружку. — Теперь ты можешь купить еще один остров? — Я теперь могу купить небольшую страну, — Артём смотрел, как от кружки идет пар. — Я теперь мажоритарный акционер. Я владею заводами, газетами, пароходами. Я — вершина пищевой цепочки. — И? — И мне хочется выйти в окно.

Андрей долго молчал. Он не смотрел на Артёма с жалостью или осуждением. Он смотрел на него так, как механик смотрит на дорогой, но безнадежно сломанный двигатель.

— Высота большая? — спросил он наконец. — Сорок второй этаж. — Хороший вид, должно быть. Только смотреть некому. — Вот именно, — Артём закрыл лицо руками. — Понимаешь, я достиг всего. Того, что мой отец строил кровью, я приумножил цифрами. У меня есть всё. Ямета, яхты, женщины, которые стоят дороже этих яхт. Я могу не работать до конца своих дней. И мне невыносимо. Каждое утро я просыпаюсь и понимаю, что день уже закончился. Он пустой. Он — ноль. Я пытаюсь заполнить его покупками, поездками, экстремальным спортом. Я прыгал с парашютом в Новой Зеландии. Знаешь, что я чувствовал, когда летел вниз? — Что? — Ничего. Я думал о том, что если разобьюсь, мне не

придется придумывать, куда потратить вечер. Это не жизнь. Это витрина. Я стою в самом дорогом магазине мира, всё принадлежит мне, но я сделан из стекла. Меня можно протереть тряпочкой и поставить на полку.

Андрей слушал, медленно помешивая чай ложкой. Ложка была алюминиевой, погнутой.

— Ты просто замерз, — сказал он тихо. — Что? — Ты замерз изнутри. У тебя там, в твоей башне, идеальная температура. Двадцать два градуса. Влажность сорок процентов. Ни сквозняков, ни пыли. А жизнь — она требует трения. Тебе не от чего отталкиваться. Когда у тебя нет проблем, ты начинаешь создавать их сам, но они получаются картонными. Ты прыгаешь с парашютом не чтобы испугаться смерти, а чтобы выложить фото в сеть. Ты покупаешь картины не чтобы плакать перед ними, а чтобы закрыть дыру в налоговом отчете.

Андрей встал, подошел к старому, пузатому холодильнику, который гудел, как турбина. Достал бутылку водки, свернул пробку. — У меня проблема, — сказал Андрей, разливая прозрачную жидкость по граненым стопкам, которые достал из навесного шкафа. — У меня Наташка из третьего подъезда опять долг требует. Пять тысяч. Сказала, если до пятницы не отдам, ноги повыдергивает. А у меня аванс только в следующий вторник. Вот это, Тёма, проблема. У нее в глазах не цифры, у нее в глазах монтировка настоящая. А у тебя что? Акции упали? Так они и подняться могут. Это не монтировка. Это игра.

Он пододвинул стопку Артёму. — Пей. И ешь. Хлеб, он всё грехи впитывает.

Артём взял стопку. Стекло было холодным, чуть липким. Он посмотрел на Андрея. Тот поднял свою, кивнул, не чокаясь, и выпил залпом. Его кадык дернулся, он крикнул, схватил щепоть капусты и отправил в рот. Лицо его порозовело, на лбу выступила испарина.

Артём выдохнул и тоже выпил. Водка обожгла горло, упала в желудок тяжелым, горячим ядром. Мир качнулся. Не от опьянения — от контраста. Вкус дешевого спирта смыл с рецепторов память о многолетнем виски. Это было грубо, честно и абсолютно реально.

— Я не могу так жить, — сказал Артём, когда смог снова дышать. — Я не умею. Я пытался. Я спускался в метро. Инкогнито. Садился в вагон и ехал до конечной. Думал, может, там, среди людей, которые едут на заводы, я пойму, в чем смысл. — И как? — Андрей уже резал хлеб для второй порции. — Я купил весь этот состав. Чтобы он катался по кругу, а я сидел там один. Скинул машинисту годовую зарплату, чтобы он делал вид, что ничего не происходит. Я пытался купить реальность, Андрей. Но она не продается.

Андрей перестал резать хлеб. Положил нож. Посмотрел на Артёма долгим, тяжелым взглядом. — Ты не реальность покупал. Ты покупал анестезию. А она кончилась. — Что мне делать? — голос Артёма дрогнул. Впервые за десять лет в нем звучала не скука, а животный, первобытный страх. —

Скажи мне. Ты же... ты же счастливый. Я смотрю на тебя и вижу, что ты целый. У тебя ничего нет, но ты — целый. А я пустой, как этот стакан.

Андрей взял стакан Артёма, подошел к раковине, открыл кран. Струя воды ударила о дно с громким, чистым звуком. Он наполнил стакан до краев. — У тебя есть всё, — сказал он, возвращаясь к столу. — Значит, тебе нечего терять. — Это и пугает. — Это и освобождает.

Андрей сел обратно на свою табуретку. Он взял стопку Артёма, в которой теперь была вода, и свою, пустую. — Смотри, — он поставил пустую стопку на край стола. — Это ты. Пустой. Ветер дунет — она упадет и разобьется. А теперь... — он взял стакан с водой и поставил рядом. — Это я. Полный. Воды по края. Центр тяжести внизу. Попробуй, толкни.

Артём неуверенно ткнул пальцем в стакан Андрея. Тот качнулся, вода плеснула через край, но стакан устоял. — Видишь? — Андрей усмехнулся. — Меня можно трясти, у меня можно забрать эти стены, этот стол, эту табуретку. У меня можно забрать даже Наташкин долг. Останусь я. И вода во мне останется. А тебя толкать не надо. Тебя сквозняк из кондиционера снесет.

Артём смотрел на воду в стакане. — Как мне наполниться? — тихо спросил он. — Где взять эту воду? — Нигде, — отрезал Андрей. — Ее нельзя взять. Ее можно только нарабатывать. Мышцами. Спиной. Руками. — Я могу нанять людей.

Построить мост. Дать работу тысячам. — Ты дашь им работу, а себе оставишь скуку. Тебе нужно самому взять в руки лопату. Не золотую, с инкрустацией, а обычную, совковую. И копать. Не для отчета, не для лайков. Для себя. Пока ладони не сотрешь в кровь. Пока спина не переломится. Только через собственное физическое бессилие приходит понимание, зачем ты вообще дышишь.

Андрей вдруг наклонился через стол, схватил Артёма за воротник дорогой рубашки и притянул к себе. — Вставай, — сказал он жестко. — Прямо сейчас. — Куда? — Артём опешил. — Ко мне на работу. — Ты с ума сошел? Нас не пустят даже на проходную. У меня охрана больше, чем весь твой ЖЭК. — Плевать. Мы перелезем через забор. — Меня узнают. — Я тебя загримирую. Наденешь ватник. — У меня нет ватника. — У меня есть. От отца остался. Воняет солярой, зато настоящий.

Артём смотрел на руку Андрея, сжимающую его воротник. Рука была красной от мороза и тяжелой работы, с черными каемками под ногтями. Эта рука держала его крепче, чем любые контракты и банковские гарантии.

— Зачем тебе это? — спросил Артём. — Зачем тебе возиться со мной? Я же для тебя — пустое место. Симптом социальной болезни. — Затем, — Андрей отпустил воротник и откинулся на спинку стула. — Затем, что если ты сейчас выйдешь отсюда и поедешь в свою башню, ты либо нажрешься до смерти, либо шагнешь с балкона. А мне потом

Наташка скажет, что я плохой друг, раз не уследил. А у меня и так с ней проблемы. Так что давай, обувайся. Гриша твой, поди, уже окошел там, в «Роллсе».

Артём посмотрел на свои руки. Они были бледными, мягкими, с идеальным маникюром. — Я не знаю, как держать лопату, — признался он. — Научу, — Андрей встал и пошел в коридор. — Главное — не бойся ударить себя по ноге. Больно будет, зато сразу поймешь, что живой.

Он вернулся, бросив на колени Артёму что-то тяжелое, колючее и пахнущее бензином. Ватник.

Артём взял его. Ткань была грубой, влажной. Он поднес ее к лицу и вдохнул. Запах железа, мазута, чужого пота и дешевого табака. Это не был запах его мира. Это был запах жизни.

Артём медленно встал. Кожаный диван за его спиной остался холодным и равнодушным. Он не шелохнулся, не попытался удержать своего хозяина. Артём начал расстегивать пуговицы на шелковой рубашке. Пальцы не слушались.

— Пельмени кидай в воду, как вода закипит, — крикнул Андрей из коридора, натягивая сапоги. — И не вздумай туда трюфели сыпать, я проверю.

Артём остался один посреди комнаты. Он стоял в одной футболке, сжимая в руках ватник, и смотрел на деревянный стол. На выжженное пятно в центре. На табуретку, которая, казалось, смотрела на него с мудрым прищуром старого мастера.

Он надел ватник. Ткань царапнула шею. Он почувствовал себя так, будто влез в чужую, слишком тесную кожу. Но впервые за долгие годы он что-то почувствовал.

За окном, на сорок втором этаже стеклянной башни, заглись огни. Город продолжал свою схему. А здесь, в маленькой квартире на окраине, пахло заваривающимся дешевым чаем, солеными огурцами и началом чего-то настоящего.

— Ты долго там? — рявкнул Андрей. — У меня смена начинается! — Иду, — ответил Артём.

Он взял со стола стеклянную кружку с остывшим чаем, допил его горький осадок и шагнул в коридор, к выходу, где его ждала табуретка, ватник и лопата, которой он еще не умел пользоваться. Кожаный диван остался в темноте пустой комнаты. Ему было все равно. Он был просто вещью. А Артём впервые за десять лет почувствовал себя человеком, который может упасть. А значит — мог и подняться.

Глава 2. Запах денег и запах хлеба

Утро среды началось для Артёма с запаха собственного пота и дешевой синтетики. Ватник, который он вчера бросил скомканным на пол в гостевой спальне, успел пропитать дорогую итальянскую мебель ароматом солярки и безысходности. Артём проснулся в пять утра не от будильника, а от ломоты в спине. Тело, привыкшее к ортопедическим матрасам с эффектом памяти, отказывалось признавать плоскую, жесткую поверхность.

Он сел на край кровати. За панорамным окном только начинало сереть. Город внизу еще спал, и только редкие фары машин чертили по мокрому асфальту. Артём посмотрел на свои руки. На костяшках пальцев темнели две ссадины — вчера, перелезая через забор промзоны, где работал Андрей, он сорвался с трехметровой высоты. Андрей поймал его за шиворот ватника, как котенка, и поставил на ноги, даже не сбив дыхания.

— Добро пожаловать в реальный мир, мажор, — сказал он тогда, отряхивая руки. — В следующий раз смотри, куда ноги ставишь. Здесь гравитация настоящая.

Гравитация. Артём потерял поясницу. Вчера он провел восемь часов на бетоне, помогая бригаде монтировать какие-то трубы. Он не делал ничего сложного — просто подавал ключи, придерживал тяжелую сталь, пока Андрей затягивал бол-

ты, и бегал за кофе в пластиковом стаканчике из грязного ларька. Но эти восемь часов выжгли его дотла. Вернувшись в пентхаус под утро, он рухнул на кровать, не снимая вонючего ватника, и уснул мертвым сном без сновидений.

Телефон на тумбочке завибрировал. Артём взял его. Двадцать семь пропущенных от финансового директора. Двенадцать от юриста. Пять от отца, который звонил через свою секретную линию. Он открыл мессенджер. Сообщение от Андрея пришло в четыре утра: «Тесто подошло. Ставь чайник, если проснешься раньше меня. Хотя куда там тебе».

Артём усмехнулся. Впервые за много лет сообщение от другого человека вызвало в нем не желание делегировать ответ ассистенту, а физическое тепло.

Он встал, прошел в ванную. Огромная комната из черного мрамора и хрома напоминала кабину космического корабля. Он встал под душ. Горячие струи били по плечам, смывая запах чужого завода. Но запах, казалось, въелся под кожу.

Когда Артём спустился на кухню, было уже семь. Григорий, водитель, уже привез заказанные вчера пельмени и хлеб, но, увидев состояние хозяина, молча вызвал клининговую службу и личного массажиста. Массажист, холеный мужчина в белом халате, уже заканчивал разминать икры Артёму, когда тот вырвал ногу. — Хватит, — сказал Артём. — Иди. И скажи Грише, чтобы убрал ватник. Сжечь. — Сжечь? — переспросил Григорий, заглядывая в арку кухни. — Артём Викторович, это же раритет. Чистая шерсть, со-

ветская выделка. Сейчас такие только в музеях. Я его в химчистку, пусть в вакуумный пакет упакуют. На память. — В пакет его, — согласился Артём. — Но если я еще раз почувствую в этой квартире запах мазута, память будет короткой.

Массажист ушел. Артём остался один. Он налил себе воды из хрустального графина. Вода не имела вкуса. Он подошел к окну. Его империя просыпалась. Вертолеты службы новостей уже висели над пробками. Сити гудел, как встревоженный улей. Там, внизу, тысячи людей прямо сейчас ненавидели свои будильники. Артём ненавидел тишину.

Он взял телефон и набрал Андрея. Тот ответил после первого гудка, тяжело дыша. — Живой? — прохрипел он. — У нас тут аврал. Трубу прорвало в подвале. Я по колено в дерьме, но зато премию обещали. — Какую премию? — спросил Артём, глядя на свой ухоженный газон на крыше. — В конверте. Три тысячи. На руки. — Андрей, я за минуту зарабатываю больше, чем ты за год. — Я в курсе, — спокойно ответил Андрей. — Потому ты мне и звонишь. Слушай, у меня руки в солидоле. Я тебе в обед наберу. Разморозь пельмени, если жрать хочешь. Только не вари, а пожарь. Так вкуснее.

Связь оборвалась.

Артём положил трубку. Он смотрел на свои руки — ухоженные, с идеальным маникюром. Руки человека, который никогда не держал ничего тяжелее теннисной ракетки и банковской карты. Руки Андрея сейчас были по локоть в ледяной воде и человеческом дерьме. И Андрей был счастлив. Он

предвкушал свои три тысячи в конверте.

Артём прошел в гардеробную. Комната размером с квартиру Андрея. Он прошел мимо рядов костюмов, сшитых на заказ в Милане, мимо рубашек, шелк которых стоил как подержанный автомобиль. Он остановился у секции «Casual». Его взгляд упал на джинсы. Настоящие, плотные, из необработанного денима. Он купил их пять лет назад в Токио за полторы тысячи долларов, потому что так делал какой-то модный блогер. Бирка до сих пор болталась на шлевке. Он никогда их не носил.

Артём сорвал бирку.

Пельмени, брошенные на раскаленную сковороду с маслом, шипели и плевались горячим жиром. Артём стоял у кухонного острова, который стоил как чугунный мост, и деревянной лопаткой переворачивал смерзшиеся комки теста. Это было нелепо. Это было неправильно. Это было самым честным действием в его жизни за последние пять лет.

Он выложил подгоревшие с одной стороны пельмени на тарелку. Достал из пакета буханку черного хлеба. Григорий купил «Бородинский». Плотный, влажный, с тмином. Артём прижал его к груди, вдыхая запах.

Запах денег. Всю свою сознательную жизнь Артём ассоциировал успех с запахом. Запахом новой кожи в салоне «Бентли». Запахом дорогого парфюма на шее женщины, имени которой он не помнил. Запахом типографской краски на све-

жей бумаге — когда он подписывал договор о поглощении очередного конкурента. Деньги пахли холодом, антисептиком и властью. Они пахли так, что у окружающих начинала кружиться голова от желания приобщиться. Но это был запах вакуума.

Запах хлеба. Артём отломил горбушку. Он не стал резать — нож казался здесь неуместным, слишком цивилизованным. Хлеб поддался пальцам с тихим, уютным треском. Пар, пахнувший кориандром и кислым тестом, ударил в лицо. Артём откусил.

Это был удар. Вкус был сложным. В нем была кислинка долгой расстойки, сладость ржаной муки, горечь кориандра и едва уловимый, землистый оттенок. Хлеб жил во рту. Он не был просто топливом. Он был историей. Артём закрыл глаза.

— Ты чего застыл? Пельмени остынут, — раздался голос за спиной.

Артём вздрогнул. Он не слышал, как открылась дверь. Андрей стоял на пороге кухни. С него капало. На ногах — резиновые сапоги, с которых на белоснежный мраморный пол стекала бурая жижа. Сам он был в грязной спецовке, от которой несло сыростью и канализацией. Лицо серое от усталости, но глаза — ясные, блестящие.

— Извини, — Андрей кивнул на свои ноги. — Не хотел наследить. Но там такое... В общем, премию дали. Он похлопал себя по нагрудному карману. Тот характерно оттопы-

ривался.

Артём молча кивнул на стол. — Садись. Я пожарил. — Вижу, что пожарил, — Андрей стянул сапоги прямо в коридоре, оставшись в сырых шерстяных носках, и прошел к столу. — Угли ты пожарил. Но пахнет съедобно.

Он сел на высокий барный стул. Тот жалобно скрипнул под его весом. Андрей схватил хлеб, откусил огромный кусок, зажевал, зажмурившись от удовольствия. — Господи, — прошамкал он с набитым ртом. — Настоящий. Не этот ваш, поролоновый, из супермаркета.

Артём смотрел, как Андрей ест. Тот не пользовался салфеткой. Он вытирал руки о грязную штанину спецовки. Он хватал пельмени пальцами, макал их в сметану прямо из банки и отправлял в рот, не стесняясь капающего жира. Он был абсолютно, первобытно счастлив.

— Три тысячи, — сказал Артём, наливая ему воды в стакан. — Ага, — Андрей кивнул, не переставая жевать. — Начальник участка расщедрился. Сказал, что мы подвал за три часа выкачали, когда обычно сутки уходит. — Что ты на них купишь? — Наташке сапоги зимние возьму. Старые совсем протекают, она всю зиму с мокрыми ногами. Себе вон, — он кивнул на карман, — болгарку присмотрел в ларьке. Старая сгорела. А остаток... матери переведу. У нее лекарства дорогие.

Андрей говорил об этом так же буднично, как Артём обсуждал покупку акций на бирже. Для Андрея это была не

трагедия, не подвиг. Это была механика жизни. Течь в бюджете — работа — деньги — закрытие течи.

— Я сегодня утром смотрел на город, — сказал Артём. — И думал. Я управляю активами на десятки миллиардов. У меня в подчинении сорок тысяч человек. Я решаю, закроется ли завод в Сибири или будет работать еще десять лет. Я сижу в советах директоров, где люди грызут друг другу глотки за полпроцента прибыли. Я не сплю по ночам, потому что волатильность на азиатских рынках может обесценить мой портфель на сто миллионов за ночь. Я пью таблетки от давления. Я живу в стерильном аквариуме. И я пуст.

Андрей слушал, откинувшись на спинку стула. Он допил воду, вытер рот тыльной стороной ладони. — А я сегодня утром смотрел, как вода из унитаза хлещет в коридор, — сказал он. — И думал. Если я не заткну эту дыру, затопит щиток. Если затопит щиток, погаснет свет. Если погаснет свет, встанут лифты. Если встанут лифты, баба Зина с восьмого этажа не спустится в магазин. Баба Зина — ветеран труда, ей восемьдесят пять, она без кефира не может. Значит, я должен лезть в это говно по колено. И я полез. И мы с пацанами заткнули. И свет горит. И баба Зина сейчас пьет свой кефир.

Андрей взял еще кусок хлеба. — Знаешь, в чем разница между твоими миллиардами и моим кефиром? — спросил он. — В масштабе? — горько усмехнулся Артём. — В отдаче, — жестко ответил Андрей. — Твои миллиарды —

это цифры. Они существуют только в головах таких же сумасшедших, как ты. Ты передвигаешь нолики. Сегодня они есть, завтра их съела инфляция. Что останется от твоего самого удачного контракта через сто лет? Пыль. А от этого хлеба, — он поднял горбушку, — останется запах. Этот хлеб накормил меня. Он дал мне силы чинить ту трубу. Моя мать съест булку, которую я куплю на остаток премии, и у нее перестанет скакать сахар. Это физика. Это материя. Твои деньги — это галлюцинация. Мой хлеб — это реальность.

Артём молчал. Слова Андрея не были философским конструктом. Они были тяжелыми, как те трубы, и прямыми, как удар молотка. — Я ненавижу свою жизнь, — тихо сказал Артём. — Это хорошо, — кивнул Андрей. — Ненависть — отличный двигатель. Главное, чтобы он тебя не сжег. — Я хочу... — Артём запнулся. — Я хочу понять, как это работает. Как ты это делаешь. Как можно радоваться трем тысячам и горелым пельменям. — Я не радуюсь горелым пельменям, — фыркнул Андрей. — Я радуюсь тому, что у меня есть руки, чтобы их съесть. И желудок, чтобы их переварить. И друг, который, несмотря на свой ватник и миллиарды, стоит у плиты и портит продукты, потому что ему тошно одному.

Андрей посмотрел на Артёма в упор. — Ты хочешь понять? — Хочу. — Тогда в пятницу у тебя выходной. — У меня не бывает выходных. Биржа не спит. — В пятницу, — повторил Андрей, чеканя каждое слово, — ты отключаешь телефоны. Все свои спутниковые, золотые, платиновые. Вы-

кидываешь сим-карту. Гришу отпускаешь к жене. А сам берешь рюкзак и приезжаешь ко мне в восемь утра. Мы едем в область. — Куда? — Ко мне на дачу.

Артём моргнул. — У тебя есть дача? — У меня есть шесть соток глинозема, — ухмыльнулся Андрей. — Сарай, который косится на юг, сортир, который косится на север, и баня. Баня — единственное, что там стоит ровно. И печь. Русская. Глиняная. — Зачем? — Затем, что мы будем жить, — Андрей встал, отнес тарелку в раковину. — Ты будешь жить. А не управлять процессом жизнедеятельности. Мы будем колоть дрова. Носить воду из колодца. И разговаривать. — О чем? — О смысле жизни, — Андрей пожал плечами. — Ты же этого хотел. Только мы не будем сидеть на кожаных диванах. Мы будем сидеть на гнилых досках. И если ты будешь ныть, я заставлю тебя перекопать грядку под чеснок.

Артём смотрел на широкую спину друга. На грязную спецовку, на резину сапог. Вчера он спустился в ад, чтобы сбежать от скуки. Сегодня он понял, что ад — это и есть жизнь. Настоящая, горячая, пахнувшая потом и землей.

— В восемь утра, — сказал Артём. — Не опаздывай, — Андрей уже шел к выходу. — И оденься так, чтобы не жалко было сжечь.

Дверь за ним закрылась. Артём остался один. В пентхаусе пахло остывшим маслом и дорогим кофе. Но теперь этот запах казался фальшивым. Ноздри еще щекотал призрак кориандра и кислого теста.

Он подошел к панорамному окну. Город внизу гудел. Там, в своих стеклянных клетках, сидели такие же, как он. Люди-функции, люди-алгоритмы. Они думали, что владеют миром, потому что могут купить его карту. Но они забыли, как выглядит сама земля.

Артём достал из кармана брюк платиновую карту. Посмотрел на нее. Кусок металла, дающий доступ к бесконечности. Он сжал пальцы. Хруст. Карта переломилась пополам. Тонкий, как бумага, платиновый пластик треснул с тихим, сухим звуком.

Артём разжал ладонь. Две половинки упали на мрамор. Он не почувствовал потери. Он почувствовал, как с плеч свалилась невидимая, но чудовищно тяжелая гиря.

Оставшиеся до пятницы два дня превратились для него в пытку. Отец звонил трижды. Первый раз — чтобы отчитать за сорванную встречу с японскими инвесторами. Второй — чтобы сообщить о покупке новой яхты. Третий — чтобы спросить, не сошел ли Артём с ума, потому что финансовый директор докладывает, что наследник заблокировал себе доступ к управлению счетами, оставив только лимитированную карту на пять тысяч в день.

— Я отдыхаю, папа, — сказал Артём в трубку, глядя, как рабочие внизу монтируют очередной стеклянный саркофаг. — От чего ты отдыхаешь? — взвился отец. — От денег? От власти? Я в твои годы спал по три часа, чтобы построить то, что ты сейчас проедаешь! — Именно поэтому ты сейчас ле-

жишь в клинике в Швейцарии с третьим инфарктом, — спокойно ответил Артём. — А я хочу попробовать лечь на землю. Говорят, помогает.

Он сбросил вызов.

В четверг вечером к нему приехал психоаналитик, выписанный отцом из Лос-Анджелеса. Пожилой, благоухающий сандаловым деревом мужчина в очках без оправы. — Мистер Фальконе, — начал он, принимая из рук Григория стакан артезианской воды. — Я ознакомился с вашим графиком. Резкое прекращение деловой активности, отказ от контактов, деструктивное поведение... Это классический синдром выгорания на фоне экзистенциального кризиса. Мы можем проработать это. — Не нужно, — Артём сидел в кресле, одетый в простые джинсы и черную футболку. — Я не выгорел. Я только начинаю гореть. — Но ваша аура... она темнеет. Вы подавляете свои истинные потребности в доминировании. — Моя истинная потребность сейчас — это мозоли на руках, — Артём вытянул вперед свои ладони. — Смотрите. Видите? Вчера я пытался открыть банку с солеными огурцами голыми руками. Банка победила. Но я чувствую свои пальцы.

Психоаналитик смотрел на него с профессиональным ужасом человека, столкнувшегося с неизлечимой болезнью. — Вы понимаете, что отказ от контроля — это форма пассивной агрессии по отношению к собственному потенциалу? — Я понимаю, что мой потенциал чуть не свел меня в моги-

ду от скуки, — Артём встал. — Спасибо, док. Ваш чек Григорий проведет. А теперь извините, мне нужно выспаться. Завтра я колю дрова.

В пятницу в семь утра Артём стоял перед зеркалом в прихожей. На нем были старые армейские штаны, купленные вчера в магазине для охотников, тяжелые ботинки с железным носом и фланелевая рубашка в клетку. Он выглядел как ряженный. Как сын миллиардера, решивший поиграть в работагу. Но когда он поднял с пола старый брезентовый рюкзак, плечо отозвалось привычной тяжестью. В рюкзаке лежала бутылка настоящей водки, палка краковской колбасы, два килограмма репчатого лука и пачка соли.

Телефон он оставил на тумбочке. Выключенным.

— Григорий, — сказал он в селектор. — Я уехал. Ключ у охраны. — Артём Викторович, может, бронежилет под рубашку? Район там беспокойный, — голос водителя звучал искренне обеспокоенно. — Бронежилет не влезет под фланель, Гриша. Езжай спать.

На улице было морозно. Воздух пах выхлопными газами, но Артём впервые за долгое время вдохнул его полной грудью, не фильтруя через климатическую установку. Он вызвал обычное такси.

Водитель, хмурый мужик на старой «Киа», всю дорогу слушал шансон и материл пробки. Артём не делал ему замечаний. Он смотрел в окно на спальные районы, которые вчера казались ему гетто, а сегодня выглядели просто местом,

где живут люди.

Андрей ждал его у подъезда. Он был уже на ногах — бодрый, румяный с мороза. На нем был тот же ватник, те же штаны. — О, — протянул Андрей, оглядывая Артёма с ног до головы. — А ты прямо как с картинки «Пионер-герой». Только лицо слишком холеное. Ничего, ветер обветрит.

Он кивнул на старенькую, но ухоженную «Ниву» цвета болотной грязи, стоявшую у бордюра. — Прошу. Мой транспорт.

Артём открыл дверь. В салоне пахло бензином, овчиной и дешевым освежителем воздуха «Елочка». — Пристегиваться не учу, — сказал Андрей, поворачивая ключ. — Мертвому припарки, а живому тут недалеко.

«Нива» завелась с пол-оборота, кашлянула сизым дымом и тронулась. Они ехали молча около часа. Город сменился пригородом, потом пошли поля. Снег здесь лежал чистый, не тронутый реагентами. Небо было огромным, низким, свинцовым.

Артём смотрел на проносящиеся мимо деревни. Покосившиеся заборы, старухи в валенках, дымящиеся трубы. — Здесь время остановилось, — сказал он. — Здесь оно течет правильно, — ответил Андрей, не отрывая взгляда от дороги. — Здесь зима — это зима. Нужно топить, иначе сдохнешь. Это лучший мотиватор в мире. Не квартальный отчет, Артём. Мороз.

Они свернули на разбитую грунтовку. Машину затрясло.

— Почти приехали, — Андрей сбросил скорость.

Домик Андрея нельзя было назвать дачей в привычном понимании. Это была настоящая русская изба-пятистенки, маленькая, вросшая в землю по самые окна. Сруб из почерневшего от времени бревна. Крыша, крытая потемневшим шифером. К нему лепился сарай и знаменитый сортир-скважина.

Андрей заглушил мотор. — Ну, с прибытием в реальность, — он хлопнул ладонью по рулю. — Вылазь.

Артём вышел. Тишина ударила по ушам. Здесь не было гула города. Здесь был только свист ветра в проводах и редкое карканье ворон. Воздух был таким чистым, что от него кружилась голова. Он пах снегом, прелой листвой и дымом.

— Дыши, — сказал Андрей, доставая из багажника топор и вязанку дров. — Пока легкие не привыкнут. — Я чувствую запах, — прошептал Артём. — Это свобода, — Андрей закинул дрова на плечо. — Пошли. Печку надо растопить, пока не околели. И воды натааскай из колодца. Ведро в сенях.

Андрей ушел в дом. Артём остался стоять посреди участка. Шесть соток. Белый, нетронутый снег. Он подошел к поленнице. Взял в руки топор. Деревянное топорщице было холодным и шершавым. Артём поставил чурбак на колоду. Поднял топор. Руки дрожали от непривычного веса.

Он ударил. Промахнулся, топор со звоном отскочил от мерзлого дерева, едва не ударив его по ноге. Артём выругался. Он снова занес топор. Прицелился. Ударил. Лезвие во-

шло в дерево на пару сантиметров и застряло.

Артём дергал. Топор не поддавался. Он пыхтел, краснел, мышцы, не привыкшие к такой статической нагрузке, горели огнем. — Не так, — раздался голос Андрея.

Он подошел бесшумно. Взял топор за середину топорища, рядом с застрявшим лезвием. — Смотри, — сказал он. — Ты бьешь кистью. Это для забивания гвоздя. А топор — это продолжение твоей спины.

Андрей поставил ногу на чурбак, качнулся всем корпусом, используя инерцию, и с коротким, сухим «хэк» расколол чурбак пополам. Топор остался в дереве, но раскол был идеальным. — Понял механику? — Андрей легко выдернул лезвие. — Теперь ты.

Он сунул топор Артёму. Артём кивнул. Он встал иначе. Расставил ноги. Положил руки выше. Он представил, что бьет не рукой, а всем телом. Удар. Чурбак с треском развалился.

Осколок дерева отлетел и ударил Артёма по щеке. Боль была резкой, горячей. Он поднес руку к лицу. На пальцах осталась кровь. Артём посмотрел на кровь. Потом на расколотое дерево. И засмеялся.

Это был не истерический смех богача. Это был смех человека, который впервые за долгое время сделал что-то сам. Что-то настоящее. Что-то, что имело вес, звук и запах.

— Добро пожаловать, — Андрей хлопнул его по плечу так, что Артём пошатнулся. — Первый урок пройден. Теперь

бери ведра. Вода сама себя из колодца не достанет.

Артём пошел в сени. Он взял тяжелые оцинкованные ведра. Его руки, привыкшие к сенсорным экранам, саднило от одного прикосновения к холодному металлу. Он подошел к колодцу. Железный ворот закрипел, как несмазанная телега.

Он наклонился над черной бездной. Там, глубоко внизу, плескалась его жизнь. Настоящая, холодная, требующая усилий. Артём начал крутить ручку. Цепь лязгала. Ведро опускалось все ниже.

В пентхаусе на сорок втором этаже сейчас роботы-пылесосы натирали мрамор до блеска. Биржа открывала торги. Миллиарды цифр неслись по оптоволокну. А здесь, в глухой деревне, наследник огромного состояния крутил ручку колодца, чтобы налить воды для чая.

И впервые за десять лет Артём ди Фальконе чувствовал, что его руки делают именно то, для чего они были созданы. Запах денег остался в городе. Здесь пахло снегом, железом и дымом. И это был запах хлеба, который еще только предстояло испечь.

Глава 3. Стол на двоих

К вечеру пятницы Артём перестал чувствовать собственные пальцы.

День, начавшийся с удара топора по промерзшему дереву, продолжился адским трудом, к которому его холеное тело оказалось катастрофически не готово. Он таскал воду из колодца, пока не сорвал кожу с ладоней о мокрую цепь ворота. Он колол дрова, пока плечи не налились свинцовой тяжестью, а поясница не взывала от каждого наклона. Он чистил снег тяжелой фанерной лопатой, от которой ныли мышцы предплечий, никогда не знавшие ничего тяжелее серебряной вилки для устриц.

Андрей работал рядом. Он не делал скидку на статус гостя. Он просто жил в своем ритме, и этот ритм засасывал Артёма, как воронка. Когда Андрей останавливался, чтобы вытереть пот со лба, Артём падал на ближайший пенек и пытался восстановить дыхание.

— Не сдыхай, — бросал Андрей, не сбавляя темпа. — Темнеет рано. Если не успеем баню протопить, будешь спать в ледяной кровати.

Баня стала для Артёма отдельным кругом ада. Андрей кидал дрова в топку с такой скоростью, словно хотел сжечь саму зиму. Сухие березовые поленья трещали, камни в каменке гудели, набирая жар. — Ложись, — скомандовал Андрей,

когда температура внутри сруба стала невыносимой.

Артём лег на самую нижнюю полку, где жар был чуть менее убийственным. Дерево обжигало даже через простыню. Андрей взял два пучка замоченного в кипятке березового веника. — Дыши носом, — сказал он и начал хлестать.

Первый удар выбил из Артёма дух. Второй — остатки городской спеси. Это была не расслабляющая процедура из спа-салона. Это было избиение. Горячий, влажный воздух хлестал по коже, выбивая токсины, усталость и, казалось, саму душу. Артём вцепился руками в полку, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. — Терпи, — рычал Андрей, работая вениками в четыре руки. — Выгоняй город.

Когда Артём выполз в предбанник, его кожа горела, как ошпаренная. Он вывалился в снег. Холод ударил по разгоряченному телу так, что перехватило дыхание. Он упал лицом в сугроб, чувствуя, как тает лед на ресницах. Это было больно. Это было невыносимо. Это было божественно.

Он вернулся в баню еще дважды. К третьему заходу тело сдалось. Мышцы обмякли, мозг отключился, осталась только звенящая пустота и чистота.

После бани Андрей выдал ему чистую, хоть и застиранную до мягкости замши льняную рубаху и старые тренировочные штаны. Свою городскую одежду Артём сжег в печи еще днем — фланель не выдержала встречи с колючей проволокой у забора, а джинсы пропитались дегтем и сажей так, что их проще было выбросить.

Они сидели на крыльце. Солнце садилось за лес, окрашивая снег в цвет разбавленной крови. От земли поднимался пар. — Пошли в дом, — сказал Андрей. — Ужинать пора. И разговор у нас, кажется, серьезный намечался.

Комната в избе преобразилась. Днем это было просто жилище одинокого мужчины: утилитарное, немного запущенное. Сейчас же, при свете керосиновой лампы — электричество Андрей берег и включал только в крайнем случае — помещение дышало уютом. Печь-голландка дышала сухим, обволакивающим теплом. На ней в чугушке что-то томилось, и запах — густой, мясной, с нотками лавра — заполнял собой каждый угол.

Посреди комнаты стоял стол. Тот самый, старый, дубовый, с выжженным пятном и шрамами от лобзика. Сейчас он был накрыт простой клеенкой в синюю клетку. Но выглядел он монументально. Это был не предмет мебели. Это был алтарь.

Артём сел на табурет. Дерево под ним было теплым. Андрей возился у печи. Он ухватом достал чугунок, поставил его на подставку в центре стола. Снял крышку. Пар ударил вверх. В чугушке была картошка. Рассыпчатая, желтоватая, политая растопленным салом, с золотистыми шкварками и кольцами жареного лука. Рядом, в глубокой миске, исходила паром гора квашеной капусты, пересыпанной клюквой и пахнущей антоновкой. На деревянной доске лежали крупно нарезанные ломти сала, пожелтевшего на срезе, с толстой

мясной прослойкой.

Андрей достал из старого резного буфета две граненые стопки. Тяжелые, с характерным алмазным узором по граням. А затем — бутылку.

Артём прищурился. В полумраке комнаты, освещенной лишь живым огнем печи и лампой, стекло блеснуло тяжелым, благородным золотом. Андрей поставил бутылку на стол. «Macallan Lalique». Шестьдесят лет выдержки. Артём знал этот виски. В его прошлой жизни он стоил как новый автомобиль. Он пил его в своем пентхаусе, маленькими глотками, катая по языку, чтобы поймать ноты сухофруктов и старого дуба. Он пил его, чтобы заполнить тишину.

Андрей сел напротив. Он не смотрел на бутылку. Он смотрел на чугунок с картошкой. — Ну, — сказал он, беря вилку. — Разговоры разговорами, а жрать хочется.

Он наложил себе полную тарелку картошки, сверху бухнул капусты, взял кусок сала. Ел он жадно, с аппетитом, громко работая челюстями. Артём смотрел на это, потом на бутылку виски. Контраст был настолько абсурдным, что Артём рассмеялся.

— Что? — Андрей поднял на него глаза, не переставая жевать. — Ты только что ел картошку со сковороды, — Артём кивнул на его тарелку. — А на столе стоит виски, за который на аукционе в Лондоне коллекционеры готовы убить друг друга. — А, это, — Андрей махнул вилкой. — Да, батя покойный хранил. На свадьбу мою берег. Да какая там сва-

дьяба... — он помрачнел, отправил в рот кусок сала. — Так и стоит. Выпить не с кем.

Артём взял бутылку. Тяжелое стекло легло в ладонь привычно. Он свинтил пробку. Аромат торфа, меда и старой кожи вырвался наружу, перебив запахи капусты и печного дыма. Он налил. Сначала себе — на два пальца, как привык. Золотистая жидкость легла на дно стопки. Потом он налил Андрею.

Андрей посмотрел на свою стопку. Потом на Артёма. — Ты чего налил-то? — спросил он с набитым ртом. — Это же... золото. — Пей, — сказал Артём. — Сегодня можно. Сегодня мы хороним мою прошлую жизнь.

Андрей недоверчиво взял стопку. Поднес к носу, поморщился. — Пахнет больницей, — вынес он вердикт. — И старым сундуком. — Это пахнет временем, — поправил Артём. — Пей.

Они чокнулись. Звук был глухим, деревянным — стекло ударилось о дерево стола. Артём выпил. Виски прокатился по горлу жидким огнем. Но на этот раз он не обжег. Он согрел. Он лег на идеально чистое, выбитое баней нутро, как последний отголосок прошлой, искусственной роскоши.

Андрей выпил следом. Крякнул. Глаза его на секунду увлажнились. — Злая штука, — сказал он, хватая картошку. — Но греет. Как печь.

Некоторое время они ели молча. Слышно было только, как трещат дрова в печи, как воет ветер в трубе и как Андрей

работает вилкой. Артём тоже начал есть. Он взял кусок сала. Жир таял во рту, соленый, чесночный, настоящий. Он заел его капустой. Кислота ударила по рецепторам, очищая небо. Он запил это виски. Это была самая вкусная еда в его жизни. Не потому, что продукты были редкими. А потому, что они были заработаны.

Когда первый голод был утолен, и чугунок опустел наполовину, Андрей откинулся на спинку стула. Вытер рот рукавом рубахи. — Хорошо, — выдохнул он. — Теперь можно и о вечном.

Артём тоже отодвинул тарелку. Он чувствовал приятную тяжесть в желудке и легкое головокружение от виски. Тепло от печи убаюкивало. — Я сегодня весь день думал, — начал Артём, глядя на пляшущий в печурке огонь. — О деньгах. — Опасная тема, — усмехнулся Андрей. — У тебя от нее обычно тик начинается. — У меня начинается тик, когда денег нет, — Артём налил еще. На этот раз только себе. — А сегодня я понял одну вещь. Деньги — это единственная реальная магия в этом мире.

Андрей перестал улыбаться. Он смотрел на Артёма внимательно, прищулив один глаз от света лампы. — Это ты после бани так поплыл, или всегда так думал? — Всегда, — кивнул Артём. — Просто сегодня я нашел этому физическое доказательство. Смотри.

Он достал из кармана штанов свой старый кнопочный телефон. Тот самый, за триста рублей. — Утром я не мог со-

греться. Я был куском льда. Что я сделал? Я пошел в лес. Я срубил дерево. Я его распилил. Я натаскал воды. Я сжег это дерево, чтобы получить тепло. Я потратил калории. Я заплатил своим трудом. Понимаешь? Тепло стоило мне боли в спине.

Андрей молчал, крутя в пальцах пустую стопку. — А теперь смотри, — Артём указал на печь. — Если бы я был в городе, в своем доме. Мне было бы холодно. Я бы нажал кнопку на пульте. Котельная в подвале, которой я владею, увеличила бы подачу газа. Через пять минут мне было бы тепло. Я не ударил палец о палец. Я купил время. Я купил физический закон. Я купил тепло, не заплатив за него собственным потом.

Артём наклонился через стол. Его глаза блестели лихорадочным блеском. — Деньги решают всё, Андрей. Всё. Они отменяют гравитацию — у меня вертолет. Они отменяют время — у меня частный джет. Они отменяют смерть — лучшие врачи мира держат меня за руку, если я чихну. Деньги — это не бумага. Это концентрат человеческой жизни. Это тысячи людей, которые отдают свои часы, свои силы, свои таланты, чтобы я мог обменивать их на этот виски. Деньги — это высшая форма справедливости. Кто умнее, сильнее, быстрее — тот берет больше жизни.

Он замолчал, переводя дыхание. Бутылка виски в его руке казалась скипетром. Андрей долго смотрел на него. В его взгляде не было зависти. Там была тяжелая, спокойная жа-

лость. — Ты идиот, Тёма, — сказал он наконец. Тихо, но очень отчетливо.

Артём опешил. — Что? — Ты клинический, патентованный идиот, — Андрей взял бутылку, налил себе и Артёму. — Ты путаешь инструменты с результатом. — Деньги — это результат! — Нет, — Андрей покачал головой. — Деньги — это лопата. Очень хорошая, титановая, с эргономичной ручкой. Ей можно копать колодец. Можно посадить сад. А можно проломить голову соседу.

Он взял свою стопку, но не пил. — Ты говоришь, они решают всё. Хорошо. Давай проверим. — Давай, — Артём чувствовал азарт. Он был уверен в своей правоте. — У тебя болит спина? — спросил Андрей. — Мышцы забиты, — признался Артём. — Но это приятная боль. — У меня завтра она будет болеть сильнее. Потому что мне пятьдесят, и я всю жизнь ворочал тяжести. Если завтра я не смогу встать с кровати, твои деньги решат эту проблему? — Конечно, — быстро ответил Артём. — Лучшие ортопеды, клиника в Израиле, стволовые клетки. Ты даже не заметишь, как встанешь. — Допустим, — кивнул Андрей. — Я встану. Но боль, которую я копил пятьдесят лет... она останется здесь, — он постучал себя по груди. — В памяти мышц. Деньги купят мне новые суставы, но они не сотрут память о том, как я сорвал спину в двадцать лет, когда таскал мешки с цементом.

Андрей залпом выпил виски. Поморщился, но на этот раз не закусывал. — Хорошо, — продолжил он. — Идем даль-

ше. Твоя проблема. Скука. Пустота. Ты сказал, что у тебя есть всё. Твои деньги решили проблему отсутствия вещей? — Да. У меня есть все вещи мира. — Решили они проблему пустоты?

Артём открыл рот, чтобы ответить «да», но слова застряли в горле. Он посмотрел на свои руки, лежащие на клеенке. — Нет, — тихо сказал он. — Вот видишь, — Андрей удовлетворенно откинулся назад. — Деньги решили проблему *доставки* вещей. Но они не создали *смысла*.

Андрей взял вилку, поковырял остатки картошки в чугушке. — Я сегодня смотрел, как ты колешь дрова, — сказал он, не поднимая глаз. — Первый раз в жизни видел, как человек ссорится с деревом. Ты на него злился. — Я злился на себя, — буркнул Артём. — Это понятно. Но ты пытался купить результат. Ты хотел, чтобы чурбак разлетелся от одного твоего желания. А так не работает. Дереву плевать, сколько у тебя нулей на счету. Ему нужно, чтобы ты попал лезвием в нужное место. Ему нужно твое внимание.

Андрей подался вперед, упершись локтями в стол. — Деньги решают проблемы, Тёма. Это правда. Если у тебя течет крыша, деньги купят новую. Если ты голоден, деньги купят еду. Если ты болен, деньги купят лекарства. Деньги — это великий уравнитель бытовых катастроф. Они срывают замки с дверей.

Он сделал паузу, глядя Артёму прямо в глаза. В полумраке его лицо казалось высеченным из камня. — Но они не де-

лают тебя счастливым. Потому что счастье — это не отсутствие проблем. Счастье — это преодоление.

Артём молчал. Слова Андрея падали в тишину комнаты, как камни в глубокий колодец. — Я смотрю на тебя, — продолжал Андрей. — Ты чистый. Ты сытый. Ты в тепле. У тебя нет проблем. Ни одной. Твоя крыша не течет, твой желудок полон, твоя жизнь в безопасности. Ты на вершине. И ты умираешь от тоски. Почему? — Потому что мне некуда идти дальше, — выдохнул Артём. — Нет, — отрезал Андрей. — Потому что тебе не *зачем* идти. Ты купил билет на самый высокий аттракцион в мире. Ты сидишь в кабинке на самой вершине. Ветер дует, вид красивый. Но кабинка стоит на месте. А я... — Андрей обвел рукой убогую обстановку избы. — Я внизу. У меня течет сортир. У меня завтра аванс, которого не хватит на сапоги жене. У меня печь может развалиться к весне. У меня проблем — завались. И я каждое утро встаю в шесть утра, чтобы их решать. Я колю дрова, чтобы не замерзла вода. Я чиню забор, чтобы не убежала собака. Я работаю в говне, чтобы Наташка купила себе сапоги.

Андрей взял кусок сала, но не стал есть. Он просто держал его в пальцах. — И когда я забиваю последний гвоздь в этот забор... когда я вижу, что он стоит ровно... когда я знаю, что в доме тепло, а Наташка спит в сухих носках... я чувствую такое счастье, которое тебе не купить ни за какие миллиарды. Твое счастье — это когда курьер привез то, что ты заказал. Мое счастье — это когда я *сделал* то, что должен

был. Понимаешь разницу?

— Ты романтизируешь нищету, — глухо сказал Артём. Его голос сел. Виски и жар печи туманили голову, но слова Андрея били наотмашь, отрезвляя. — Я романтизирую труд, — поправил Андрей. — Я романтизирую право засыпать вечером без стыда. Ты спросишь: при чем тут деньги? Если бы у меня были деньги, я бы нанял плотника. — Вот! — подхватил Артём. — Но плотник бы получил деньги и ушел. А я бы остался в доме, который чинил не я. Я бы не знал, где какая доска скрипит. Я бы не чувствовал этот дом своей кожей. Деньги купили бы мне результат, но украли бы процесс. А жизнь, Тёма, она только в процессе.

Андрей наконец съел сало. Запил виски. — Деньги — это бензин, — сказал он. — Без них машина не едет. Если у тебя пустой бак, ты будешь сидеть в лесу и выть на луну. Я это признаю. Я не идиот, чтобы молиться на сухари, когда можно купить хлеб. Но ты... ты залил полный бак. И теперь ты просто жжешь топливо на холостом ходу. Рев стоит на всю округу, дым столбом, а машина стоит. Потому что тебе некуда ехать. Ты боишься, что если ты выключишь мотор, станет тихо. И в этой тишине ты услышишь, что внутри тебя — пустота.

Артём смотрел на бутылку. Золото виски в граненом стекле больше не казалось ему скипетром. Оно казалось кровью. Кровью тысяч людей, которые жили, чтобы этот сок забродил в бочке, и тысяч других, которые обменяли свои дни на

право его выпить.

— Если завтра твой банк рухнет, — тихо сказал Андрей, — если ты проснешься в этой избе, но с пустыми карманами... что у тебя останется? — Ничего, — прошептал Артём. — Вот именно, — кивнул Андрей. — Потому что ты и есть — твой счет в банке. А я... если я завтра потеряю работу, если меня выгонят из дома, если у меня сгорит эта изба... у меня останутся руки. И спина. И голова, которая знает, как сложить печь. Я лягу спать на земле, а утром проснусь и начну строить заново. Мне не нужны деньги, чтобы быть Андреем. А тебе, Тёма, нужны деньги, чтобы быть Артёмом.

Тишина повисла тяжелее, чем мокрое белье на морозе. Артём протянул руку и взял свою стопку. Виски показался ему теперь горьким. Питьем проигравших. Он поднял взгляд на Андрея. — То есть, по-твоему, я должен раздать всё бедным и пойти в монастырь? — Зачем? — искренне удивился Андрей. — Это была бы самая дорогая покупка индulgенции в истории. Ты бы просто купил себе статус святого. Нет.

Андрей встал. Он подошел к печи, открыл заслонку. Искры полетели в трубу. — Ты должен научиться тратить, — сказал он, не оборачиваясь. — Не покупать. Тратить. — В чем разница? — Покупка — это когда ты берешь вещь, чтобы закрыть дыру. Трата — это когда ты вкладываешь ресурс, чтобы что-то выросло. Ты вкладываешь деньги в акции, чтобы их стало больше. Это жадность. А ты попробуй вложить деньги так, чтобы их стало меньше, а людей вокруг — счаст-

ливее. Не потому, что ты им должен. А потому, что тебе самому от этого станет теплее, чем от этого гребаного виски.

Андрей вернулся за стол. Он налил еще. Себе и Артёму. — Деньги решают проблемы, — повторил он, поднимая стопку. — Это их работа. Как работа топора — рубить. Но не создавай из топора идола. Не молись на него. А то в один прекрасный день он отрубит тебе голову.

Они чокнулись. На этот раз звук был глухим, почти похоронным. Артём выпил. Огонь виски сошелся с огнем в печи.

— Я сегодня колол дрова, — сказал Артём, глядя на пустой стол. — И я ненавидел каждую секунду. Я думал о том, что за час этого труда я теряю больше, чем этот дом стоит целиком. — А я сегодня смотрел на тебя, — ответил Андрей, — и думал: господи, до чего же человека довели. Он разучился радоваться тому, что просто может стоять на ногах. — Я радовался, когда расколол тот чурбак, — признался Артём. — Я почувствовал... гордость. — Это не гордость, — усмехнулся Андрей. — Это облегчение. Ты доказал сам себе, что ты еще не совсем призрак. Что у тебя есть масса. Что ты можешь воздействовать на материю.

Андрей достал из кармана штанов мятую пачку «Явы». Щелкнул зажигалкой. Дешевый, едкий дым поплыл по комнате, смешиваясь с запахом виски и печного дыма. — Деньги — это инструмент, Тёма, — сказал он, выпуская дым в потолок. — Самый мощный из придуманных людьми. Но инструмент нужен, чтобы строить. А ты построил золотую клетку

и сидишь в ней, удивляясь, почему не летается.

Артём смотрел на свои руки. На сбитые костяшки, на въевшуюся под ногти грязь, которую не брало никакое мыло. — Я не хочу обратно, — сказал он. — Куда? — не понял Андрей. — В башню. К мрамору. К дивану. — Рано, — отрезал Андрей. — Ты еще не наелся. Ты еще думаешь, что это приключение. Когда ты начнешь понимать, что это просто жизнь — тогда поговорим. А пока... — он кивнул на бутылку. — Плесни еще. И давай спать. Завтра вставать с рассветом. Дров на неделю не наколоты.

Артём взял бутылку. Его руки больше не дрожали. Он налил. Золотая струя ударилась о стекло. Он посмотрел на Андрея. На его простое, обветренное лицо. На его руки, спокойно лежащие на столе. В этот момент Артём понял страшную вещь. Андрей не завидовал ему. Ни капли. А Артём завидовал Андрею. Черной, испепеляющей завистью. Потому что у Андрея была табуретка, которую он спас с помойки. Была картошка, которую он сам сварил. И была боль в спине, которая напоминала, что он жив.

У Артёма не было ничего. Только виски, который перестал пьянить, и пустота, которую не могли заполнить никакие нули.

— Деньги решают всё, — упрямо повторил Артём, поднимая стопку. Это был его последний бастион. — Нет, — спокойно ответил Андрей, глядя ему в глаза поверх края своей стопки. — Они лишь дают тебе право выбирать, какие про-

блемы решать. Я решаю проблему голода. Ты решаешь проблему скуки. Но голод — это честно. А скука — это преступление против собственной души.

Андрей выпил. Артём смотрел на него и понимал, что проиграл этот спор, даже не успев его начать. Он поднес стопку к губам. За окном выла выюга, пытаясь пробиться сквозь толстые бревна избы. Но здесь, за столом, было тепло. И впервые за долгие годы Артёму было тепло не от батарей и не от миллионов. Ему было тепло от того, что напротив сидел живой человек.

Они просидели еще час. Говорили мало. Слушали, как трещат дрова. Когда бутылка показала дно, Андрей тяжело поднялся. — Всё, — сказал он. — Мозг размяк. Завтра будешь злой, как собака. Пойдем.

Он провел Артёма в соседнюю комнату. Там стояла широкая деревянная кровать с панцирной сеткой, которая прогнулась до пола. — Ложись, — Андрей бросил на сетку старый тулуп. — Подушка там, в шкафу.

Артём лег. Сетка жалобно закрипела. Пружины впились в бока. Одеяло пахло пылью и сухой травой. Было жестко. Неудобно. В пентхаусе его ждала кровать, которая стояла как крыло самолета, с матрасом, подстраивающимся под каждый изгиб тела.

Артём закрыл глаза. Он чувствовал каждую мышцу. Спину. Руки. Ноги. Он чувствовал, как по телу разливается тягучая, здоровая усталость. Деньги решили бы эту проблему.

Массажист, горячая ванна, обезболивающее. Но сейчас ему не хотелось решать эту проблему. Ему хотелось ее прожить.

Скрипнула половица. В дверях стоял Андрей. — Свет выключать? — спросил он. — Выключай, — ответил Артём.

Комната погрузилась в темноту. Только из-под двери в большую комнату пробивалась желтая полоса света от керосиновой лампы. Артём лежал, слушая вой ветра и посапывание Андрея за стеной. Он думал о словах друга. «Деньги решают проблемы, но не создают счастье».

Артём протянул руку и коснулся холодного бревна стены. Оно дышало. За стеной, в темноте русской зимы, кто-то жил. Кто-то любил, ненавидел, колол дрова и спасал табуретки. И Артём ди Фальконе, человек, у которого было всё, впервые в жизни почувствовал себя богачом. Не потому, что у него был «Macallan». А потому, что у него был этот стол. На двоих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.